
Анна Ветрова
Под испанским солнцем
Танец на грани
18+

Анна Ветрова
Танец на грани

https://litres.ru/74719073
SelfPub; 2026

Аннотация

Лусия Вега приезжает в Барселону с двумя чемоданами и мечтой начать всё заново. Двадцать один год, новая квартира в Борне, работа мечты — и прошлое, которое звонит по ночам.

Диего — страсть, от которой невозможно отказаться. Габриэль — спокойствие, в котором хочется остаться. Между ними Лусия учится главному: любовь не всегда означает выбор, но свобода всегда имеет цену. Когда двое мужчин любят её по-разному, а сердце не умеет делить, приходится решать — не кого выбрать, а кем стать.

История о танце на грани между желанием и нежностью, свободой и одиночеством, — для тех, кто знает, как трудно быть честной, когда любишь.

Содержание

Глава 1. Новый город 4
Глава 2. Архитектор 17
Глава 3. Старые привычки 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Анна Ветрова
Танец на грани

Глава 1. Новый город

Барселона встретила её дождём. Не тем ленивым южным дождём, который пахнет пылью и пролетает за десять минут, а настоящим, серым, упрямым, с ветром, швыряющим капли в лицо. Лусия вышла из вагона на вокзале Сантс с двумя чемоданами и сумкой через плечо, поправила мокрую прядь и рассмеялась, потому что подумала: город проверяет, достойна ли она остаться.

Поезд из Марбельи шёл одиннадцать часов. За это время она успела поспать, перечитать тридцать раз сообщение "Позвони, когда доедешь", выучить наизусть расписание вокзала и трижды передумать. Не возвращаться, конечно, но передумать, как она будет выглядеть, когда впервые увидит Кармен: победительницей или растерянной девчонкой. Победила растерянность, и это было честно.

На перроне пахло мокрым железом, кофе и жареными каштанами. Люди спешили, не глядя друг на друга, раскрывали зонты, тащили чемоданы на колёсиках, переговаривались на каталанском и испанском вперемешку. Лусия остановилась посреди этого потока, как камень в реке, и вдруг

ясно почувствовала, что она одна. Совсем одна. Не в смысле "без мужчины", а в смысле "никто в этом городе не знает, как меня зовут и какое кофе я пью по утрам".

- Эй! Красавица в бирюзовом! - прокричал знакомый голос.

Кармен неслась к ней сквозь толпу, размахивая огромным жёлтым зонтом, в дождевике цвета лимона и резиновых сапогах с утятами. Волосы выбились из-под капюшона, нос покраснел, камера болталась на шее, обёрнутая в полиэтиленовый пакет. Она налетела на подругу с такой силой, что обе чуть не упали.

- Ты приехала! Ты правда приехала! Я думала, ты передумаешь в последний момент и сойдёшь где-нибудь в Валенсии!

- Я думала об этом в Валенсии.

- Не смей. Больше никогда. Ты теперь моя, я тебя никому не отдам.

Лусия смеялась, уткнувшись носом в мокрое плечо дождевика, и чувствовала, как внутри тает ледяной ком, который она везла с собой через всю страну. Кармен пахла дождём, духами с ванилью и немного плёнкой для проявки. Пахла домом, который можно носить с собой.

- Ты вся дрожишь, - Кармен отстранилась и оглядела её критически. - И похудела. Ты ела вообще? Диего тебя кормил?

- Диего меня кормил.

- Тогда почему ты бледная?

- Одиннадцать часов в поезде. Это нормально.

- Ничего нормального. Пойдём. Сейчас горячий шоколад, потом такси, потом квартира.

Она подхватила один из чемоданов, и они побежали по мокрой плитке, смеясь и толкаясь, под жёлтым зонтом, который ни от чего не спасал.

***

Квартиру они искали три дня, и это были три дня настоящей охоты. Кармен, как человек, уже полгода жившая в городе, считала, что знает всё, но к концу первого вечера признала: рынок съёмного жилья в Барселоне устроен хуже, чем любовные отношения в Марбелье.

Они смотрели студию в Раваль, где соседи сверху, судя по звукам, разучивали фламенко на ударных. Смотрели комнату в Грасии у старушки, которая сразу поставила условие: никаких мужчин после десяти и никаких каблуков в коридоре. Смотрели просторный лофт в Побленоу, полностью белый, пустой, с окнами во всю стену, который стоил столько, сколько Лусия зарабатывала за четыре месяца.

- Красиво, - сказала она, стоя посреди пустого простора.

- Красиво, - согласилась Кармен. - И нереально.

- Я бы жила здесь.

- Ты бы жила здесь, если бы Диего оплачивал.

Лусия повернулась и посмотрела на подругу прямым серьёзным взглядом.

- Нет.

- Я знаю. Просто проверяю.

- Не надо проверять.

- Надо. Ты же сама сказала: хочешь начать с нуля, на своих условиях. Если дело дойдёт до денег, ты можешь дрогнуть. А я не хочу, чтобы ты дрогнула.

Это был жёсткий, но справедливый разговор, и Лусия молча кивнула. На третий день они нашли то, что искали. Маленькая квартира на четвёртом этаже старого дома в квартале Борн, с узким балконом, выходящим на крыши, скрипучим паркетом и окном в ванной, в которое можно было увидеть кусочек купола церкви Санта-Мария-дель-Мар. Хозяйка, сеньора Ортис, женщина лет пятидесяти с седыми кудрями и громким смехом, провела их по комнатам и объявила:

- Двадцать шесть квадратных метров счастья. Здесь жила одна художница, потом одна писательница, потом студент, который играл на трубе. Теперь будете вы. Только не уроните дух этого места.

- А какой у него дух? - спросила Лусия.

- Творческий беспорядок и одиночество, перешедшее в любовь, - без малейшего смущения ответила сеньора Ортис. - Так обычно бывает с хорошими квартирами.

Лусия посмотрела на кривую побелку, на облупившуюся краску на подоконнике, на старый шкаф с резными дверцами и поняла, что влюбилась. Не в стены, а в обещание: здесь

можно начать с чистого листа.

Договор они подписали в тот же вечер. Деньги за первый месяц и залог Лусия заплатила из собственных сбережений, пересчитав банкноты дважды дрожащими руками. Когда сеньора Ортис ушла, она села прямо на пол посреди пустой комнаты, обхватила колени и засмеялась.

- Чего ты? - спросила Кармен, присаживаясь рядом.

- Это мой дом. Первый настоящий дом, который я нашла сама.

- Поздравляю, - сказала Кармен, и голос у неё дрогнул. - Ты выросла.

Переезд занял один вечер. Вещей оказалось немного: два чемодана, коробка с книгами, которую прислала мать, вешалка с платьями, каждое из которых Лусия берегла как реликвию. Красное платье из первой ночи в Марбелье она повесила на самое видное место, на крючок у двери, чтобы видеть его каждое утро и помнить, с чего всё началось.

Кармен командовала расстановкой, как генерал на манёврах. Матрас придвинули к окну, чтобы по утрам ловить солнце, стол поставили в угол, лампу повесили над изголовьем. На подоконник Лусия водрузила горшок с геранью, купленный у старушки на рынке за два евро, и долго поливала его из чашки, потому что другой посуды ещё не было.

- Вот, - сказала Кармен, оглядывая комнату. - Теперь это твоя нора. Береги её. Не води сюда кого попало.

- Кого, например?

- Всех, кто слишком красиво говорит.
- Тогда пустовать мне придётся долго.
- Вот и отлично.

Они ели на полу холодную пиццу из коробки и пили красное вино из двух кружек. Из окна тянуло прохладой и запахом жареной картошки, где-то внизу пели пьяные туристы, и Лусия вдруг почувствовала, что счастлива. Не бурно, не ярко, а тихо и надёжно, как бывает счастлива птица, свившая первое гнездо.

Позже, когда Кармен уехала, она приняла душ в крошечной ванной, где вода текла тонкой струйкой и пахло старой штукатуркой. Стояла под тёплыми каплями, закрыв глаза, и смывала с кожи дорожную пыль, усталость, остатки тревоги. Потом вытерлась жёстким полотенцем, посмотрела на своё отражение в запотевшем зеркале и улыбнулась себе: смуглая кожа, тёмные мокрые волосы, чуть припухшие от недосыпа глаза. Двадцать один год. Новый город. Всё впереди.

***

Первое открытие в жизни Лусии в Барселоне случилось на третий вечер, на выставке в галерее на улице Монткада. Кармен тащила её за руку по узкому тёмному переулку, твердя, что такие вечера нельзя пропускать: там собирается вся художественная тусовка, там можно получить заказы, там пьют хорошее вино и не берут денег за вход.

- Я не разбираюсь в искусстве.
- Тебе и не нужно. Нужно уметь стоять с бокалом и мно-

гозначительно кивать.

- Это я умею.

- Знаю. Поэтому ты идёшь.

Лусия надела чёрное платье, простое, короткое, с открытыми плечами и тонкой серебряной цепочкой на шее. Волосы собрала в низкий небрежный узел, на губы нанесла тёмно-вишнёвую помаду. Кармен, увидев её, свистнула.

- Это называется "я не стараюсь, но ты всё равно посмотришь".

- Звучит неплохо.

Галерея оказалась бывшим складом с высокими кирпичными стенами, огромными окнами и рядами светильников, подвешенных к потолку на тонких цепях. Посреди зала стояли скульптуры из ржавого металла, на стенах висели полотна, больше похожие на разлитые краски, а вокруг двигались люди: женщины в странных, но элегантных платьях, мужчины в рубашках без галстуков, кто-то с трубкой, кто-то с длинным шарфом, хотя на улице стояло лето. Звучала тихая джазовая импровизация, на подносах плыли бокалы с кавой.

Лусия взяла бокал, прошла мимо скульптуры, изображавшей, кажется, плачущую птицу, и остановилась перед огромным полотном. На нём было море, но не то, которое она знала. Тёмное, свинцовое, с белыми гребнями волн и крошечной лодкой посередине, почти исчезающей в пене. Картина пугала и притягивала.

- Нравится? - спросил негромкий голос за плечом.

Она обернулась. Рядом стоял мужчина лет тридцати пяти, невысокий, но статный, в тёмно-синем пиджаке и белой рубашке без галстука. Тёмные волосы с лёгкой сединой на висках, внимательные серые глаза, мягкая линия рта. В руке он держал бокал, но, судя по всему, не пил: просто держал.

- Пугает, - честно ответила она.

- Хорошая реакция. Значит, работает.

- А вам нравится?

- Мне интересно. Это разные вещи.

Она улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, спокойно и без нажима.

- Габриэль Наварро, - сказал он. - Я архитектор. И соседний зал, и половина этого здания, если быть честным, мои. Перестраивал.

- Лусия Вега. Я... недавно в городе.

- Это заметно.

- Почему?

- Вы смотрите на всё слишком внимательно. Местные уже давно перестали видеть.

Эта фраза задела что-то в ней, и Лусия чуть повернулась к нему.

- А вы видите?

- Стараюсь. Профессиональная привычка.

Он говорил тихо, не заглядывал в вырез платья, не касался её руки, не пытался выглядеть интереснее, чем есть. Просто стоял рядом, смотрел на картину и ждал, что она скажет

дальше. Лусия вдруг заметила, что давно не чувствовала такого спокойствия рядом с мужчиной. С Диего воздух всегда был наэлектризован. С Алехандро лёгок и звонок. А здесь он просто был ровным, как гладь воды в безветренный день.

***

Они проговорили почти два часа. Габриэль рассказывал о зданиях: как старый дом дышит по-разному зимой и летом, как свет входит в комнату утром и вечером, как важно оставлять пространство для тишины. Лусия слушала и ловила себя на том, что ей действительно интересно. Он не звучал занудно, не объяснял, а скорее показывал, раскрывал, как карту незнакомого города.

- Вы любите свою работу, - сказала она.

- Иногда ненавижу. Но чаще люблю.

- А когда ненавидите?

- Когда заказчик хочет стеклянный дом на скале над морем без единой опоры. Но с видом.

Она рассмеялась. Смех получился громче, чем она хотела, и несколько человек обернулись. Лусия прикрыла рот ладонью.

- Не надо, - тихо сказал Габриэль. - Это хороший смех.

Кармен, проходя мимо, подмигнула ей с другого конца зала и показала большой палец. Лусия закатила глаза и тут же поймала взгляд Габриэля, в котором мелькнула ироничная искра.

- Подруга?

- Лучшая. И наглая.

- Мне нравятся такие подруги. Они честные.

Он повёл её по залам, показывая детали, которые обычный посетитель не заметил бы: скрытые светильники, меняющие цвет, балки, оставленные нарочно открытыми, старую кладку, сохранённую под стеклом. Лусия касалась пальцами шершавого кирпича и слушала его негромкий голос, и мир за пределами галереи словно растворился.

- Вы свободны завтра вечером? - спросил он вдруг у выхода.

Она не ожидала. Подняла на него глаза, и в серых зрачках увидела не напор, не просьбу, а скорее приглашение, которое можно принять или отклонить без последствий.

- Зачем?

- Хочу пригласить вас на ужин. Не больше и не меньше. Я знаю один маленький ресторан в Грасии, где подают лучшую в городе рыбу на гриле. И где не включают музыку громче разговоров.

- Это свидание?

- Это ужин. Свиданием вы можете назвать его после.

Она засмеялась опять, и опять тихо.

- Я подумаю.

- Хорошо.

- Но, возможно, соглашусь.

- Тогда я буду рад, - сказал Габриэль и протянул ей маленькую визитку. На плотной кремовой бумаге были напе-

чатаны только имя, телефон и одна строчка: "Пространство для жизни".

Она сунула карточку в сумочку, попрощалась, вышла в тёплую влажную ночь и только на улице заметила, что сердце бьётся чуть быстрее обычного.

***

Квартира была полна тишины. Лусия закрыла за собой дверь, сбросила туфли у порога и босиком прошла в единственную комнату, где на матрасе, пока без кровати, лежали подушки и плед. Они с Кармен купили лишь самое необходимое, остальное решили доставать по мере сил: старое зеркало на блошином рынке, стол у соседки, лампу на барахолке.

Она села на матрас, вытянула уставшие ноги и посмотрела в окно. Над крышами расстилалось тёмно-синее небо, и где-то вдалеке мерцали огни порта. Город жил: шумел, смеялся, играл на гитарах, гремел мусорными баками. И в этом шуме ей впервые за много недель стало по-настоящему спокойно.

Она достала из сумки визитку, повертела в пальцах. "Пространство для жизни". Красивая фраза. Слишком красивая для человека, которого видишь второй раз в жизни. И всё же она поймала себя на том, что улыбается.

Лусия переоделась в просторную футболку, умылась холодной водой и легла, закутавшись в плед. Свет она не выключала: лампа на полу бросала тёплый круг на потолок. Мысли текли плавно, лениво, как вода в канале.

Она думала о Диего. О его руках, о голосе, о том, как он смотрел на вокзале, когда поезд тронулся. Не вспоминала намеренно, просто воспоминания приходили сами, как приходят волны. Она позволила им.

Телефон завибрировал на полу рядом. Лусия вздрогнула, села, взяла его в руки. Экран осветил комнату бледным светом. Время: 01:47. Незнакомого номера не было. Было имя, которое она знала лучше собственного.

"Диего".

Она не ответила сразу. Смотрела на экран, на мигающую зелёную кнопку, на собственные пальцы, которые вдруг стали холодными. Телефон вибрировал, потом замолчал, потом завибрировал опять.

Она сделала глубокий вдох и приняла вызов.

- Алло.

- Ты не спишь, - сказал он. Голос был хриплым, усталым, тёплым. От этого голоса внутри что-то дрогнуло и разлилось по венам горячей волной.

- Уже поздно, Диего.

- Знаю. Я не мог уснуть. Дом слишком тихий. Всё здесь пахнет тобой.

Лусия прижала ладонь ко рту, чтобы не выдать себя.

- Не надо.

- Я не прошу ничего. Просто хотел услышать твой голос. Как ты там?

- Хорошо, - солгала она и тут же поправилась: - Лучше,

чем думала.

- Нашла квартиру?

- Да. Маленькую. С видом на церковь.

- Покажешь когда-нибудь?

- Посмотрим.

Он замолчал. В трубке слышалось только дыхание, ровное и близкое, будто он лежал рядом, на соседней подушке. Лусия закрыла глаза. На секунду, на одну секунду, она позволила себе представить, что он действительно здесь.

- Я скучаю, - сказал он тихо.

И в этой простой фразе не было ни давления, ни упрёка, ни борьбы. Только правда, чистая и беззащитная.

Лусия открыла глаза, посмотрела на тёмное окно, на огоньки в чужих квартирах, на свою руку, лежащую на пледе. Хотела сказать "я тоже", но слова застряли.

- Спокойной ночи, Диего, - прошептала она.

- Спокойной ночи, любимая.

Он отключился первым. Она долго лежала с телефоном у груди, слушая, как стучит собственное сердце, и понимала только одно: новая жизнь началась, а старая не собиралась отпускать.

Глава 2. Архитектор

Она пришла на ужин в Грасии в синем платье и осталась в нём до конца вечера, хотя в какой-то момент ей отчаянно захотелось его снять, потому что внутри было слишком тепло от вина и разговора. Рыба на гриле действительно оказалась лучшей в городе, а хозяин ресторанчика, седой каталонец с усами, назвал Габриэля "доном Габи" и принёс им бутылку, которой не было в меню.

Тот ужин затянулся до полуночи. Они говорили обо всём, кроме того, что можно было бы назвать личным, и именно поэтому, как ни странно, узнали друг о друге больше, чем за недели разговоров о прошлом. Габриэль любил старые лифты и ненавидел пластиковые окна. Лусия обожала запах мокрого асфальта после дождя и боялась пауков. Он умел готовить три блюда и ни одно из них не получалось одинаково. Она умела танцевать севильяну и однажды сломала каблук прямо посреди площади.

На прощание он не пытался её поцеловать. Он только сказал:

- Завтра я работаю в студии с утра. Если захотите посмотреть, как рождаются дома, приходите. Я покажу.

- Вы приглашаете меня на работу?

- Я приглашаю вас в место, где мне лучше всего думается. Это большая честь, поверьте. Сюда я пускаю очень немно-

гих.

И вот она стояла перед высокой стеклянной дверью в здании на улице Диагональ, держа в одной руке бумажный стаканчик с кофе, а в другой телефон, на экране которого мигало: "Габриэль: Поднимайтесь, четвёртый этаж. Лифт сегодня капризничает - лучше по лестнице".

Она поднялась. Лестница была старой, с чугунными перилами, и на каждой площадке висели чёрно-белые фотографии города. На четвёртом этаже дверь была приоткрыта, и оттуда лился свет, как из окна в другой мир.

***

Студия занимала весь этаж и напоминала не офис, а мастерскую волшебника. Огромные окна от пола до потолка впускали в комнату всё утреннее небо, и по белым стенам, по деревянным столам, по разложенным чертежам скользили золотые блики. Пахло кофе, свежим деревом, бумагой и чем-то ещё, неуловимым и чистым, как запах дождя на камне.

Вдоль стен стояли макеты зданий, выполненные из картона, пенопласта и тонких деревянных реек. Один изображал небольшой дом на склоне холма, другой целый квартал с внутренними двориками, третий мост, лёгкий и изогнутый, как лук. На длинном столе лежали стопки эскизов, карандаши, линейки, чашки с остывшим кофе. В углу сидели двое молодых ассистентов и сосредоточенно клацали по клавишам, но, увидев гостью, дружно подняли головы.

- Это Лусия, - сказал Габриэль, выходя из-за перегородки. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами и тёмные брюки, волосы чуть растрёпаны, на пальце след от карандаша. - Она пришла посмотреть, чем мы тут занимаемся. Не бойтесь, не кусается.

- Пока, - вставила Лусия, и ассистенты засмеялись.

Он провёл её по студии, показывая проекты, объясняя на ходу, почему этот дом стоит именно так, а не иначе. Она слушала, касалась пальцами макетов, наклонялась над чертежами. Он говорил просто, как человек, который любит дело и не нуждается в чужом одобрении, чтобы подтвердить его ценность.

- Вот этот, - он указал на маленький домик на утёсе, - я строил для пожилой женщины, которая хотела умереть в доме с видом на море. Она прожила в нём одиннадцать лет. Каждое утро присылала мне открытку с описанием рассвета.

- Вы до сих пор их храните?

- Все. Двести с лишним.

Лусия посмотрела на него с новым уважением. В этом человеке не было показного блеска, и всё же рядом с ним хотелось стоять дольше, чем следовало.

Ассистенты ушли обедать, и в студии стало тихо. Лусия бродила между столами, разглядывая детали, и остановилась перед большим макетом бухты: крошечные домики, лодки из бумаги, пальмы из проволоки и зелёного поролона. Она присела на корточки, чтобы рассмотреть мельчайшие окош-

ки, и юбка лёгкого сарафана задралась выше колен. Она поймала на себе внимательный взгляд, но не смутилась, а только, оглянувшись через плечо, спросила:

- Ты всегда так смотришь на гостей?

- Только на тех, кто наклоняется над моими макетами, как над колыбелью.

- Они красивые.

- Они живые. Пока на бумаге, пока никто не решил, что можно сносить.

Он подошёл ближе, опустился рядом и показал пальцем на крошечную башенку.

- Видишь окно под крышей? Там я хотел поселить поэта, который никогда не будет писать. Просто жить и смотреть на закат.

- Почему не будет писать?

- Потому что поэтам нужно иногда отдыхать от слов.

И в этой близости, в запахе его кожи и тёплого дерева, было что-то опасное, как лёгкое головокружение. Габриэль заметил её взгляд и не отвёл своего. Секунды потянулись медленно, как тёплый мёд. Потом он поднялся, протянул ей руку и помог встать. Пальцы задержались в её ладони чуть дольше, чем требовала вежливость.

- Хочу показать тебе одно место, - сказал он. - Крыша. Оттуда видно всё.

Они поднялись по узкой железной лестнице. Наверху ветер хлестнул по лицу, и перед ними раскрылся весь город:

красные черепичные крыши, шпили собора, длинная лента моря, дымка над холмами. Лусия раскинула руки и засмеялась, подставляя лицо солнцу. Платье трепетало на бёдрах, и волосы вспыхнули золотом.

- Ты прекрасна, - сказал он без нажима, как говорят о погоде. - Прости, это вырвалось.

- Не извиняйся.

- Тогда повторю.

- Тоже не надо, - смеясь, сказала она. - А то привыкну.

***

К полудню они сидели на широком подоконнике, свесив ноги, и пили кофе из бумажных стаканчиков. Город внизу гудел, переливался стеклом, как огромный живой организм, а над ним нависло высокое лето.

- Расскажите о себе, - попросил Габриэль. - Не о работе. О том, что вы любите.

Она подумала.

- Я люблю море. Люблю танцевать. Люблю красивые платья и дорогие духи, хотя могу их себе позволить только раз в год. Люблю смотреть на людей в кафе и придумывать им истории. Люблю, когда меня удивляют.

- А что вас удивляет?

- Честность, - сказала она. - Мало кто говорит правду, когда она невыгодна.

- Это точно, - улыбнулся он. - А ещё?

- А ещё я люблю путешествовать. Хотя я почти нигде не

бывала.

- Где бывали?

- Севилья, Марбелья, Ибица, Майорка. Всё. Очень узко.

- Это только начало.

- Вы много ездили?

- Достаточно. Лиссабон, Стамбул, Марракеш, Токио, Копенгаген. Я учился в Милане, год работал в Берлине, полгода жил в Копенгагене. Но больше всего люблю возвращаться сюда.

- Почему?

- Потому что Барселона не пытается быть чем-то, кроме себя. Она красива и упряма. Как вы.

Лусия опустила взгляд на кофе, чувствуя, как по щекам расползается тепло.

- Вы всех женщин так заговариваете?

- Нет, - серьёзно ответил он. - Только тех, кто умеет слушать.

Она засмеялась и толкнула его плечом. Он не отодвинулся. Подоконник был узким, и их плечи касались друг друга, и от этого лёгкого касания в груди разливалась странная, спокойная дрожь.

Они проговорили до вечера. Обсудили картины, которые она видела на выставке, и книги, которые он читал по ночам. Выяснилось, что оба любят старое кино, оба не выносят шума в ресторанах и в детстве мечтали стать кем-то совершенно другим: она танцовщицей, он капитаном дальнего плава-

ния. Лусия вдруг поняла, что рядом с ним ей не нужно ни играть, ни защищаться. Можно просто быть.

- Вы грустите, - заметил он, когда стемнело.

- Нет.

- Грустите. У вас в голосе что-то есть.

- Просто думаю, как странно: я приехала сюда, чтобы начать всё заново, а прошлое звонит мне по ночам.

- Это нормально, - сказал он мягко. - Прошлое всегда звонит. Главное решить, брать ли трубку.

- А вы берёте?

- Иногда. Раньше брал каждый раз. Потом понял, что чужие голоса мешают слышать собственный.

Она посмотрела на него долго и внимательно, пытаясь разглядеть в спокойных серых глазах след той боли, о которой он упомянул так мимоходом.

***

В пятницу он повёл её на ужин к друзьям. Не в ресторан, а в настоящий дом, где пахло жареным мясом, свежей зеленью и красным вином. Дом стоял в Сарье, в старом квартале с кривыми улочками и террасами, увитыми плющом. Хозяевами были Хуан и Марта, супружеская пара лет сорока, оба архитекторы, оба шумные и тёплые, как печка в холодную зиму.

- Это Лусия! - объявил Габриэль, пропуская её вперёд. - Она новенькая и очень умная. Не смущайте её.

- Мы никогда не смущаем, - возразила Марта, обнимая

гостью так крепко, словно знала её всю жизнь. - Мы только слегка допрашиваем.

Стол накрыли на террасе. Над ним горели гирлянды, в центре стояли блюда с салатами, запечёнными баклажанами, колбасами и сырами. Вокруг расположились человек десять: коллеги, друзья, чьи-то подруги. Среди них был и высокий светловолосый мужчина лет тридцати двух, которого представили как Николаса Феррера.

- Тоже архитектор, - пояснил Габриэль. - Мой главный соперник и лучший друг.

- Ты слишком добр, - усмехнулся Николас, пожимая Лусии руку. - Я его главный проблемный партнёр. Он думает, что я не умею считать деньги.

- Ты не умеешь.

- Зато я умею красиво тратить.

Лусия смеялась, пила терпкое вино и чувствовала себя удивительно легко. Эти люди принимали её без вопросов и оценок. Хуан рассказывал истории про стройки, на которых однажды обнаружили римскую мозаику, Марта передразнивала заказчиков, Николас спорил с Габриэлем о том, нужен ли городу ещё один небоскрёб. Они перебивали друг друга, хохотали, и она вдруг поняла: здесь живёт настоящая дружба, редкая и дорогая, как старое вино.

- Ты ему нравишься, - шепнула Марта, когда они вдвоём накладывали десерт на кухне.

- Мы просто друзья.

- Конечно, - улыбнулась Марта так, что стало ясно: никто в этом доме в это не верит. - Он никогда не приводил сюда женщин. Ни разу после развода.

- После развода?

- Он не рассказывал? Три года назад. Тяжёлая история. Но он справился.

- Я не знала.

- Расскажет сам. Когда будет готов. Только не обижай его, ладно? Он слишком хороший для того, чтобы с ним играли.

Лусия кивнула, и в груди что-то неприятно кольнуло. Она не играла. Она вообще не знала, что делает.

Позже, когда гости разошлись, они с Габриэлем задержались на террасе. Хуан принёс бутылку густого сладкого вина и два бокала и деликатно исчез. Они сидели рядом на старом плетёном диванчике, и Лусия, разувшись, подобрала ноги под себя. Над головой гудели ночные мотыльки вокруг гирлянд.

- Расскажи мне про танцы, - попросил он.

- Что именно?

- Как ты начала.

Она задумалась.

- Мне было шесть. Мама отвела меня к учительнице, донье Росарио, у которой на стенах висели фотографии великих танцовщиц. Она поставила меня посреди комнаты и сказала: "Дыши и слушай ногами". Я не поняла ни слова, но осталась. Потом много лет танцевала в тайне, ночью, боси-

ком, чтобы никто не слышал.

- Почему в тайне?

- Мама боялась, что я стану, как отец. Он тоже любил музыку.

- И что случилось с отцом?

- Ушёл. Оставил гитару и пустой шкаф.

Габриэль не стал говорить "мне жаль". Он просто накрыл её ладонь своей. Они сидели молча, пока вино согревало и сладко кружило голову. Потом она вдруг поднялась, босая, в лёгком платье, прошла на середину террасы и, не включая музыки, начала танцевать. Медленно, тихо, едва касаясь плитки пальцами ног. Её руки рисовали в воздухе длинные узоры, плечи колыхались, как вода. Он смотрел не отрываясь, и в его взгляде было что-то тихое и благоговейное.

Когда она остановилась, у неё раскраснелись щёки, а грудь часто вздымалась.

- Это было красиво, - сказал он. - Спасибо, что показала.

- Я никому этого не показываю.

- Тогда я дважды польщён.

***

Они возвращались домой пешком. Ночь была тёплой и мягкой, как шёлк, и по узким улицам Сарьи плыл запах жасмина и свежескошенной травы. Над головами раскачивались старые фонари, отбрасывая на мостовую золотые круги. Где-то вдалеке играла гитара.

Габриэль шёл рядом, засунув руки в карманы, и время от

времени бросал на неё внимательные взгляды. Он молчал, и это молчание не тяготило. Они прошли мимо маленькой площади с фонтаном, мимо закрытой лавки зеленщика, мимо кошки, дремавшей на ступеньке.

- Твои друзья замечательные, - сказала она.

- Да.

- Особенно Марта. Она весёлая.

- Она не умеет молчать. Это её главное достоинство и главный недостаток.

- Она рассказала мне про развод.

Он не вздрогнул, но она почувствовала, как слегка напряглись его плечи.

- Я так и думал.

- Прости. Я не хотела лезть.

- Ты не лезешь. Это не тайна. - Он остановился и посмотрел на неё. - Мы прожили вместе шесть лет. Любили друг друга, потом перестали. Не было измен и скандалов, просто однажды мы обнаружили, что говорим, как соседи по квартире. Это хуже любой ссоры.

- Мне жаль.

- Мне тоже. Но я рад, что так случилось. Теперь я знаю, что не хочу жить в тишине, где нечего сказать.

Лусия подняла глаза. В свете фонаря его лицо казалось мягким, почти юным, и она вдруг осознала, что стоит очень близко, настолько, что чувствует тепло, идущее от его рубашки.

- Ты сейчас думаешь о чём-то, - тихо сказал он.

- Да.

- О чём?

- О том, что ты слишком спокойный.

- Это плохо?

- Не знаю. Непривычно.

Потом они вышли на широкую террасу над городом, откуда открывался вид на огни Барселоны, раскинувшиеся до самого моря. Ветер трепал её волосы, и она придержала их рукой. Внизу сверкали проспекты, мерцали крыши, тянулись тёмные нити улиц. Казалось, весь мир лежит у них под ногами.

- Красиво, - выдохнула она.

- Да. Я часто сюда прихожу. Когда нужно подумать.

- О чём ты думаешь сейчас?

Габриэль повернулся к ней. Серые глаза в темноте казались почти чёрными. Он поднял руку и осторожно, очень медленно, убрал прядь волос с её щеки. Пальцы были тёплыми и чуть шершавыми.

- Что я хочу тебя поцеловать, - сказал он. - Но не хочу торопить.

Лусия не ответила словами. Она просто шагнула ближе, подняла лицо и закрыла глаза.

Поцелуй был совсем не таким, как с Диего. Там была буря, голод, огонь. Здесь была тишина, глубокая и тёплая, как вода в закрытой бухте. Его губы касались её губ осторож-

но и уверенно, словно он читал её дыхание. Ладонь легла на щёку, большой палец провёл по скуле. Она чувствовала, как внутри что-то оттаивает, медленно, без боли, и вместе с этим приходит смутный, тревожный страх: она не знала, сможет ли выдержать такую нежность.

Они стояли так долго. Потом он отстранился, прижался лбом к её лбу и тихо сказал:

- Спасибо.

- За что?

- За то, что осталась.

Она улыбнулась, и в этой улыбке была вся её растерянность. Телефон в сумочке молчал, но она знала: где-то далеко, за сотни километров, человек с тёмными глазами сейчас не спит и смотрит на то же небо.

Глава 3. Старые привычки

Диего приехал в Барселону без предупреждения, в среду, в разгар одного из тех душных вечеров, когда воздух над асфальтом дрожит, а люди выходят на балконы с мокрыми полотенцами на плечах. Он не позвонил заранее. Просто сел в поезд, выехал в шесть утра, добрался к полудню и целый день бродил по городу, как человек, у которого внутри слишком много слов и ни одного подходящего.

Он остановился в маленьком отеле неподалёку от Рамблы, принял душ, переоделся в чистую белую рубашку и долго стоял у окна, глядя на то, как внизу течёт пёстрая толпа. Туристы, торговцы, уличные музыканты, голуби, стайки школьников. В этом водовороте не было ни одного знакомого лица. И всё же он чувствовал: где-то здесь, в нескольких кварталах от него, живёт человек, ради которого он нарушил собственное обещание не торопить события.

Он достал телефон. Набрал сообщение, стёр. Набрал снова, стёр опять. Потом просто отправил два слова: "Я здесь".

Ответ пришёл через минуту.

"Где здесь?"

"В Барселоне. Хочу тебя увидеть. Только если ты захочешь".

Он положил телефон на подоконник экраном вниз и стал ждать. Прошло пять минут, потом десять. За окном кто-то

заиграл на аккордеоне, мелодия была грустной и тягучей, и он почувствовал, как внутри опять поднимается старая, знакомая тоска.

Телефон загудел.

"Вечером. В восемь. Кафе на площади Реаль. Я приду".

Диего закрыл глаза и выдохнул так, будто весь день не дышал.

***

Лусия потратила на выбор платья полтора часа и всё равно осталась недовольна. Она вытащила из шкафа всё, что у неё было, разложила на матрасе, перемерила, стянула, перемерила снова. Белое казалось слишком невинным, красное слишком вызывающим, чёрное слишком траурным. В итоге остановилась на тёмно-зелёном, коротком, с открытой спиной и тонкими бретелями: цвет глубокого моря перед закатом.

Она накрасила ресницы, подвела губы, надела серьги, которые когда-то подарила мать. Потом посмотрела на себя в старое зеркало, которое купила на блошином рынке, и ей не понравилась женщина, которая смотрела оттуда: слишком взволнованная, слишком готовая ко всему.

- Ты идёшь поговорить, - строго сказала она отражению. - Только поговорить.

Отражение не поверило.

На площади Реаль было людно. Пальмы шелестели над кафе, фонари отбрасывали на булыжник мягкие пятна све-

та, из открытых дверей баров лилась музыка. Диего сидел за дальним столиком у самой стены, и когда она вошла в круг фонарей, поднялся ей навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.